

Ничего вразумительного про бойню написать нельзя. Всем положено умереть, навеки замолчать, и уже никогда ничего не хотеть. После бойни должна наступить полнейшая тишина, да и вправду все затихает, кроме птиц. А что скажут птицы? Одно они только и могут сказать о бойне — «пьюти-фьют».

*Курт Воннегут. Бойня номер пять,
или Крестовый поход детей*

Слова благодарности

Любовь — не только главная тема этой книги, но и ее питательная среда. Мое сердце перестает уместаться в груди, когда я думаю обо всех, кто был со мной рядом на протяжении создания этой книги, в итоге обернувшегося феерически трудным путешествием.

Когда я сомневалась, есть ли у меня необходимые ресурсы, чтобы завершить эту книгу, именно уверенность во мне тех, кто наблюдал мою работу над этим и другими проектами, — соавторов, редакторов, организаторов конференций, рецензентов, источников справочных материалов, студентов, ивент-менеджеров, зрителей и слушателей — взрастила во мне столь необходимую для продолжения работы храбрость. Много любви и благодарности я посылаю моим соредакторам на различных связанных проектах: Джованни Алои, Саре Безан, Венди Вудворд, Роберту Маккею, Гэрри Марвину, Джону Миллеру, Роберту Митчеллу, Нику Тэйлору и Кену Шапиро. Наши соавторы, рецензенты и производственные сотрудники дали мне больше знаний, чем могли бы себе представить. Выражаю любовь также огромному числу друзей, которые сотрудничали со мной массой разнообразных способов: Джони Адамсон, Эрике Андерссон Седерхольм, Филипу Армстронгу, Кристин Асдал, Мишел Бастиан, Стиву и Эли Бейкер, Элис Бендинелли, Джонатану Бёрту, Линде Бирк, Кэрин Болл, Роланду Боргардсу, Сюне Боркфельт, Салли Боррелл, Эрику Брауну, Рону Бролио, Якобу Буллу, Генри Буллеру, Амели Бьёрк, Кристиану Бьёркдалю, Эндж Бэртрам, Кари Вайль, Шеррил Винт, Кэри Вулфу, Кэтрин Герсдоф, Таю Гоуэну, Катрин Гриер, Лори Груен, Марианне Дековен, Марго Демелло, Джейми Деник,

Винсиан Депре, Джейн Десмонд, Дэниелу Хиту Джастису, Кристине Дженнберт, Карен Джоунс, Ричарду и Карин Динст, Бену Дойлу, Тому ван Доорену, Филипу Дрейку, Кари Дрисколлу, Тоне Друглитрё, Жанне Дюбино, Адену Ивенсу, Каре Кендалл-Морвик, Хильде Кин, Люсинде Коул, Марион Коупленд, Андре Кребберу, Анн-Софи Лёнгрен, Джейкобу Ливтону, Тобиасу Линне, Мелиссе Литтлфилд, Майклу Лоуренсу, Майклу Лундбладу, Давиду Майоччи, Шону Маккорри, Лоре Макмэхон, Рене Маркесу, Роберту Маркли, Фредерике Миддельхофф, Питеру Мидому, Бретту Мизелю, Маре Мьель, Монике Мэттфелд, Каори Нагаи, Джону О'Мюллеркею, Кире О'Райли, Сесилии Осберг, Анат Пик, Рейчел Поликин, Энни Поттс, Джейсону Прайсу, Тангам Равиндранатан, Джошуа Расселлу, Зибе Рашидиан, Дэвиду Редмальму, Керри Роман, Найджелу Ротфельсу, Мике Рошер, Кати Рудди, Джульетте Сингх, Сьюзен Скуайер, Эндрю Смит, Натану Сназе, Бриндис Снебьёрнсдоттир, Критике Сринивасан, Раджани Судан, Карен Люкке Сусе, Тому Тайлеру, Стефани Тёрнер, Лив Эмме Торсен, Антуану Треснелю, Харлану Уиверу, Марку Уилсону, Джессике и Мартину Ульрих, Боэль Уэстин, Эрике Фадж, Гуро Флинтеруд, Лиисе Фосетт, Элизабет Фриис, Донне Харауэй, Лизе Хейнс, Элине Хеландер-Ренвалль, Дэвиду Херману, Стиву Хинчлиффу, Торе Хольмберг, Зои Хьюс, Келли Хюббен, Уне Чаудхури, Керидиане Чез, Иштвану Чичери-Ронай, Стефани Шванднер-Зиверс, Себастиану Шёнбеку и Гуннару Эггертссону. Мои самые искренние извинения всем, кого я не упомянула в этом списке. Меня нельзя назвать неблагодарной — это просто сбоит моя память. Особенной честью для меня была возможность работать с Николин Свейнпол и Майклом Уэсселсом, и справиться с их внезапными смертями было тяжело.

Множество людей оказали мне огромную помощь, обсуждая фрагменты этого проекта, когда мы пересекались на замечательных академических мероприятиях, в том числе организованных круглым столом по изучению животных в Африке, Институтом животных и социума (ASI), семинаром Чикагского университета о животных и других нечеловекообразных, Новозеландским (Аотеароа) центром антропологических исследований, Бри-

танской сетью исследования животных, Центром развития и окружающей среды Университета Осло, Лабораторией экологических гуманитарных наук в Королевском технологическом институте (Стокгольм, Швеция), семинаром по эколого-гуманитарным исследованиям в Северо-Западном университете (Эванстон, Иллинойс), группой экологических исследований Кардиффского университета, учебной группой «HumAnimal» в центре гендерных исследований университета Уппсалы, курсом антропологических исследований в университете Касселя в Германии, Leslie Center по гуманитарным исследованиям в Дартмутском колледже, объединением «Living with Animals» («Жизнь с животными») в университете Восточного Кентукки, фондом «Minding Animals International» (MAI), исследовательским центром по изучению животных в Шеффилде, Обществом литературы, науки и искусства, художественной галереей Университета Тафтса, отделением изучения животных Уэслианского университета, объединенным центром теологических исследований университета Виннипега и Вюрцбургской летней школой культурных и литературоведческих исследований животных. Организаторы, выполняющие сложную, но необходимую работу по созданию и поддержке среды для длительных и захватывающих интеллектуальных проектов, — мои герои и героини, без которых проекты эти оказались бы невозможны.

Кендра Буало получает от меня жест сверхчеловеческой симпатии и признательности за веру в этот проект, предложение первоклассной помощи в придании ему формы, а также за то, что именно она возглавляет великолепную команду, которая запустила книгу в производство в издательстве Пенсильванского государственного университета.

Частично исследования для этой книги стали возможны благодаря саббатикалу от кафедры английского языка, колледжа искусств и наук, а также гранта управления спонсируемых исследований Университета Новой Англии. Я благодарю за поддержку моих университетских коллег, в особенности Али Ахмида, Стефани Бёрт, Элизабет де Вольф, Терезу Дживечиньски, Кэтлин Миллер, Хэли Прюитт и Катрин Фрэнк. Кроме того, я в долгу

у моих студентов-бакалавров с их добротой и терпением — у всех, кто посещали семинары, посвященные гуманитарным исследованиям животных, постколониальной экокритике, истории собак, кинематографу и литературе коренных народов, фильмам об окружающей среде, а также животным в литературе и культуре; кто стали моими спутниками и спутницами в чтении, обсуждении и письменной работе вокруг множества нарративов и некоторых теорий, ставших затем сердцем этой книги. Их любопытство и энтузиазм — глубочайший источник вдохновения.

Я навсегда и всецело благодарна лучшему в мире врачу и моей дорогой подруге Хетти Каррауэй, которая провела меня по пути успешного излечения от рака и последующей реабилитации в Институте Дана-Фарбер и Центральном медицинском центре штата Мэн, и моему мужу Мику Морриси, который вместе с нашей (ушедшей слишком рано) собакой Сабиной и котами Джинкс и Джанго помогал мне проживать этот по-настоящему страшный период — до, во время и после. Я пишу этот текст сквозь пелену радостных слез, благодарная за их терпение ко мне, возящейся с огромным количеством нежно любимых комнатных растений; однолетниками и многолетниками в саду; деревьями; компостом; дикими животными, порой заглядывающими в гости; членами семьи, соседями и друзьями, состоящими из людей и других животных, — со многим другим и многими другими, кто помогли мне почувствовать, что моя жизнь не просто возможна, а совершенно точно стоит того, чтобы жить ее.

Более ранние версии фрагментов этой книги публиковались в сборниках эссе и научных журналах. Хотя эти тексты существенно изменились с момента первых публикаций, я благодарна за разрешение развить их тезисы для этой книги:

Animal Gods in Extinction Stories: Power and Princess Mononoke // Representing the Modern Animal in Culture / Ed. by J. Dubino, Z. Rashidian, and A. Smyth. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 205–225. Перепечатано с разрешения Palgrave Macmillan.

Cross-pollinating: Indigenous Knowledges of Extinction and Genocide in Honeybee Fictions // Indigenous Creatures, Native Knowledges, and the Arts: Animal Studies in Modern Worlds / Ed. by

W. Woodward and S. McHugh. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 249–270. Перепечатано с разрешения Palgrave Macmillan.

‘A Flash Point in Inuit Memories’: Endangered Knowledges in the Mountie Sled Dog Massacre // *The Global Animal* / Ed. by K. Ball and L. Haynes. Special issue of ESC: English Studies in Canada, vol. 39.1. 2013. P. 149–175.

Loving Camels, Sacrificing Sheep, Slaughtering Gazelles: Human-Animal Relations in Contemporary Desert Fiction // *Humans, Animals and Biopolitics* / Ed. by K. Asdal, T. Druglitrø, and S. Hinchcliffe. New York: Routledge, 2017. P. 171–188.

Shoring: Contemporary Fictions of Indigenous Cetacean Killing // *Animal Places: Lively Cartographies of Human-Animal Relations* / Ed. by J. Bull, T. Holmberg, and C. Åsberg. New York: Routledge, 2018. P. 248–268.

Введение

Когда разные виды встречаются на полях сражений

В 2012 году биологи и лингвисты объединились, чтобы составить первые карты мира, на которых видно значительное взаимное наложение зон биологического и языкового разнообразия. Отметив, что самые высокие показатели совмещения связаны с районами, отличающимися не только богатейшим биоразнообразием, но часто и присутствием сообществ коренных народов, и их близостью к охраняемым зонам дикой природы, они сделали вывод, что природе и культуре грозят колоссальные потери, в случае если не выявить и не сохранить культурные системы, обеспечивающие устойчивость биологического разнообразия [Gorenflo et al. 2012: 8032–8037]. Научная вера в сохранение и рациональное использование природных ресурсов следует по очевидному маршруту, который опирается на сравнительно небольшое количество актуальных историй успеха. Однако более завершенная картина угрозы и противостояния ей складывается из различных источников посредством постоянных творческих усилий по рассказыванию утраченных историй, связанных с геноцидами, вымиранием и другими случаями широкомасштабной видовой гибели, которые вычленить сложнее. Под пристальным наблюдением аффект обретает форму, и в центре этих историй проявляется возможность любить, разделенная между человеком и другими животными.

«Любовь во время резни. Истории людей и животных против геноцида и вымирания» соединяет несколько современных нарративов, которые обращаются к малоизвестным кровавым преступлениям человеческих культур, чтобы выяснить, как они связаны с антропогенным вымиранием видов и более сознательным истреблением животных, и отыскать среди них сюжеты о межвидовой платонической привязанности как яркого и живого способа противостояния разрушительным силам. Современные сказки со всего земного шара, разворачивающиеся на внешней периферии промышленно-урбанистических центров, — инуитские рассказы о полудиких служебных собаках в Арктике, истории магрибских кочевников, пасущих разные виды домашних копытных животных в глубинах Сахары, а также коренных тихоокеанских народностей и местных морских обитателей в тропиках и субтропиках — обращаются к сценам страдания колоссальных масштабов, санкционированного государственными властями, представляя их не как самоцель, но как точки входа в создание образа жизни, сфокусированного на тесных связях между отдельными видами животных и людьми. Добавляя творческое измерение к растущему осознанию того факта, что многовидовой контекст оправдывает интегрированный подход к социологической теории и теории окружающей среды [van Dooren 2015], эти изображения глубочайших разрывов в отношениях между видами говорят о большем, чем лишь об утратах, характерных для какого-то конкретного культурного или биологического образа жизни.

Это повествование становится все актуальнее по мере того, как наша эпоха все яснее и яснее осознается как время свидетельства шестого глобального массового вымирания — первого в истории спровоцированного деятельностью человека. Эта книга начинается с рассказа об утрате, вместо того чтобы, как обычно, им заканчивать, и следует духу историй, из которых состоит, отслеживая, как именно они сообщают о динамическом противостоянии силам колонизаторов-поселенцев, в значительной степени ответственных за нанесенный ущерб. Зачастую, воссоздавая глубокие холистические трансформации с целью

приблизиться к древним и точно локализованным знаниям о бытности в мире, они предлагают современный взгляд, полезный в том числе для развития текущих попыток составить карту пересечений коренных народов, литературы, экокритики, а также истории взаимоотношений людей и животных¹.

Невзирая на то что литература всех культур и эпох включает в себя репрезентацию нечеловеческих форм жизни, исследования литературы о животных приняли форму отдельного научного ответвления лишь в последние несколько десятилетий, когда вместе с тем так называемые анимистические традиции претерпели в академической среде значительную переоценку. Именно в этот период появились и истории, из которых сложилась эта книга. Пробуя установить связи между этими процессами, можно многому научиться на ошибках прошлого. В то время как кросс-дисциплинарное изучение взаимоотношений людей и животных ведется с акцентом на англоязычных текстах и западноевропейской перспективе, начиная с колониального периода и до сих пор, некоторые литературоведы изучали животных по-другому. Основанные на постоянно растущем корпусе историй, были разработаны уникальные модели деколонизирующей репрезентации особых отношений человека и животного на их собственных условиях. Работы ответственных за это ученых обеспечивают необходимый критический контекст для данного и будущих исследований.

Невероятно многое зависит от того, какое значение животные приобретают внутри академических дисциплин. Умышленное избегание животных в литературоведении, за исключением случаев интерпретации их как антропоморфных символов или других литературных приемов, стало невозможным начиная с 1980-х годов, когда к литературе XX века стала применяться теория постструктурализма. Деконструкция Жака Деррида оказалась

¹ Сьюзан Мак-Хью использует термин «human-animal studies», который отражает важнейший для ученой акцент на взаимоотношениях и взаимодействиях людей и животных и которому нет точного аналога в русском языке. Мы будем использовать максимально близкую по смыслу терминологию, например «антропозоология». — *Прим. пер.*

особенно влиятельной в разъяснении невозможности репрезентации животного начала человека, по крайней мере в рамках иерархической и дуалистической терминологии, доминирующей в западноевропейской традиции [Norris 1985; Wolfe 2003; Rohman 2009; Lundblad 2013]. Однако последний курс лекций Деррида оказывается еще более значимым, представляя собой прямой призыв обратить внимание на плачевные последствия самопровозглашенного рационалистского философского дискурса для нечеловеческих форм жизни. Чаще всего цитируется отдельный фрагмент, где Деррида взывает к некой контртрадиции того, что характеризует как поэтический дискурс, — это определено, согласно его мнению, должно исходить «со стороны подписантов, которые прежде всего являются поэтами и пророками», — и именно это могло бы объяснить внезапное чувство, возникающее, когда он встречается глазами со своим котом [Деррида 2019: 236].

Венди Вудворд называет историю Деррида и его кота невольным источником вдохновения для ее книги «Взгляд зверя. Субъектность животных в южноафриканских нарративах» («The Animal Gaze: Animal Subjectivities in Southern African Narratives», 2008) — одного из первых превратившихся в книгу исследований животных в постколониальной литературе. Согласно Вудворд, «провокационное (шутливое?) заявление Деррида, будто ему неведомы такие поэты или пророки, скрыто подразумевающее, что они вообще не могут существовать, — это спекуляция», отчасти потому, что ни одна из множества его отсылок не ведет к литераторам или философам за пределами западноевропейского дискурса, от которого он при этом якобы стремится отказаться [Woodward 2008: 3]. Описывая проблему «животного» как универсального «другого», необходимого «человеку», чтобы поддерживать неравноправие позиций даже внутри нашего собственного вида, Деррида тем не менее придерживается узкого взгляда на то, где можно найти решение этой проблемы, и его мысль становится понятна в свете библейско-экзегетического контекста его финальных лекций. Однако постоянную циркуляцию этих заявлений Деррида внутри литературоведческих кругов становится все труднее обосновать.

Неважно, относятся ли к поэтам и пророкам рассказчики историй, но именно они наиболее явно и уверенно продвигают неантропоцентричный — или, если выбирать более позитивную формулировку, животнoцентричный — дискурс. В контексте графических романов Марион Коупленд определяет анималоцентричные сюжеты как те, которые предлагают новый взгляд на отношения сознания и опыта, притом что в них действуют неантропоморфные протагонисты-животные с реалистичными мотивами и заботами, которые возникают в условиях жизни среди представителей их собственного вида и во взаимоотношениях с другими видами, не в последнюю очередь — в окружающей среде, подвергшейся антропогенным изменениям [Copeland 2011]. Работа Коупленд исключительно примечательна благодаря выявлению этих историй в недооцененных жанрах. Среди существенных проблем этой книги — тот факт, что первые исследования анималоцентричных нарративов, которые Коупленд проводила в 1980-х годах, касались преимущественно литературы коренных народов [Copeland 1983] и впоследствии не были приняты во внимание учеными вроде писателя и литературоведа Джеральда Визенора (анишинаабе), несмотря на то что в конце концов он пришел к схожим выводам [Vizenor 1988].

Упущенные связи предоставляют важный контекст для распознавания проблем деколонизации литературоведческих исследований животных. Грейам Хагган и Хелен Тиффин замечают, что уравнивание вымерших и находящихся под серьезной угрозой исчезновения видов животных с исчезающими и утраченными человеческими культурами имеет под собой риск усугубления эксплуатации, а именно низведения дискурса до литературного тропа:

Прежде всего, вероятно, метафоризация и позиционирование слова «животное» как уничижительного термина в геноцидальных и маргинализирующих дискурсах... затрудняют даже разговор о животных без возникновения глубокого дискомфорта, даже озлобленного противостояния, во многих современных постколониальных контекстах [Huggan, Tiffin 2010: 135].

Клеймение группы людей «животными» терминами — все еще мощное орудие угнетения, которое, впрочем, испытывается на прочность растущей осведомленностью о том, как анималистические практики встраивались в социальный аспект человеческой идентичности [Deckha 2012]. В то время как потенциал для усугубления вреда абсолютно реален, заземляющий анализ литературных образов в живых, воплощенных отношениях между видами может помочь сдвинуть дискуссию с мертвой точки.

Страх культурной апроприации может быть достаточной причиной того, почему ранние попытки чувствительных к культурным различиям исследований литературы о животных тяготели к современным художественным произведениям. Йопи Ньюман приводит убедительные доводы в пользу важной роли историй о животных в процессе деколонизации англоязычных образов и сюжетов в своей работе «Постколониальные рассказы о животных от Киплинга до Кутзее» («Postcolonial Animal Tale from Kipling to Coetzee», 2003), хотя его выводы далеки от обнадеживающих — вероятно, потому, что традиционные знания все время остаются на заднем плане [Nyman 2003]. Проследивая более масштабную историческую тенденцию в литературных традициях колонизаторов-поселенцев, Филип Армстронг в книге «Что означают животные в современном фикшне» («What Animals Mean in the Fiction of Modernity», 2008) обнаруживает литературные доказательства того, как антропоморфное представление о человеческой агентности — скорее, даже то, что философ Джорджо Агамбен называл антропофорной (или человекотворческой) функцией, — развивается в условиях постоянной угрозы того, что он, опять же, называет антрополуотическими текстовыми приемами, посредством которых нечеловеческое «сокрушает, размыкает, аннулирует, делегитимизирует или извращает» человеческое как концепт, а иногда и во плоти [Armstrong 2008: 11]. Таким образом, формы животных, некогда отвергнутые литературоведами как внутренне противоречивые или чересчур запутанные, могут стать средством описания и фиксации альтернативных форм социализации и потенциала в отношениях людей, животных, а также человека и животного

между собой. Этот процесс может иметь важные последствия как для постколониальных литературоведческих исследований, так и для изучения литературы об антропозоологических отношениях.

Уделяя внимание сохранению четко локализованных взаимоотношений человека и животного, мы обнаружим еще один путь к описанию и восстановлению истории литературы, свободной от колонизаторского бремени. Как Армстронг утверждает в другой своей работе,

создание острых, политизированных, чувствительных к культуре и предельно актуальных местных историй о ролях, которые играли — или были вынуждены играть — животные и их репрезентации в колониальных и постколониальных текстах, [требует]... уважения к локальным различиям, скептического взгляда на теории и ценности, претендующие на абсолютный авторитет, и приверженности непрекращающемуся диалогу со знаниями о культуре, которые прежде были отвергнуты [Armstrong 2002].

Развивая и дополняя изыскания дерридеанской деконструкции в исследованиях литературы о животных, продолжение научной работы в этой области раскрывает возможности, благодаря которым истории о животных будут способны преобразовать само понятие справедливости. Для этого существует опора в виде связанных утверждений историков феминизма [Haraway 2003; Kean 1998], философов [Gruen 2014; Braidotti 2012; Rudy 2011; Donovan, Adams 2007] и представителей других разнообразных дисциплин, которые связаны с изучением отношений людей и животных, и так воедино собираются дискурс и воплощенный опыт, которые трудно разъединить.

На данный момент гораздо менее развита область исследований, которая изучает, как репрезентация животных в литературе отражает границы взаимодействия традиционного и современного индустриального мировоззрений. Среди наиболее свежих работ примечательна книга Анн-Софи Лёнгрен «Следуя за животным: сила, агентность и антропозоологические трансфор-

мации в современной североевропейской литературе» («Following the Animal: Power, Agency, and Human-Animal Transformations in Modern, Northern-European Literature», 2015) — перспективное свидетельство важности литературоведческих исследований о животных за пределами англоязычной традиции [Lönngren 2015]. Выбирая долгий XX век в качестве временных рамок исследования и принципы структуралистского анализа Ролана Барта в качестве базовой методологии, книга Лёнгрен выявляет отчетливо скандинавскую модель межвидовых метаморфоз, отраженную в древних местных народных традициях и продолжающуюся в современной художественной литературе. Работа Анн-Софи Лёнгрен вдохновила меня на поиск в современных нарративах, которые имеют дело со старыми мировоззрениями, знаний об отношениях людей и животных, развитии характеров и сюжетов, которые выходят далеко за рамки рационалистской парадигмы.

В более поздней работе, изучая, как, трансформируясь при переходе из регионального фольклора в художественную литературу, истории о северных оленях стали обозначать регион Сапми (Лапландию), а не его коренной народ саами, Лёнгрен показывает, как литературная интертекстуальность может стать орудием против нарратива о стирании с лица земли [Lönngren 2018: 213]. Ниспровержение антропоцентризма во имя деколонизации в этом случае означает восстановление того, что антрополог Элина Хеландер-Ренвалль (саами) определяет как традиционное для северных оленеводов метафизическое ощущение связи со своими животными как с частью родной земли [Helander-Renvall 2014]. Критически важно перестать воспринимать определенные территории как просто пустые и незаселенные и начать воспринимать их как опустошенные в результате конкретных исторических событий. Тот факт, что устойчивая антропозоологическая близость, важная для оленеводства, восстанавливается формально и онтологически только в отдаленных малонаселенных родных землях, предлагает дальнейшие возможности для перенастройки промышленно-урбанистической оптики (или «метронормативности») в литературоведческих иссле-

дованиях животных [Herring 2010: 85–86]². Вдобавок к тому, что традиционные сельские местности многих маргинализированных сообществ являются точками притяжения культурного и биологического разнообразия, эти места также показывают, где именно и почему метаморфозы старых историй о животных сегодня привлекают внимание.

Учитывая устойчивость в южноафриканской литературе последних десятилетий различных традиционных африканских представлений о родстве человека и животного, оборотничестве, магии и других феноменах, Вудворд также выявляет, как современные истории бросают вызов логике антропоцентризма, дуальной природе человека-животного и другим идеям, которые в порядке вещей воспринимаются как характеристики модернизма [Woodward 2014]. Если интерпретировать ее выводы в соответствии с новейшими достижениями в области изучения нарратива о животных, это поощряет дальнейшие исследования творческих вызовов и устремлений, которые становятся артикулируемыми в дискурсах, сформированных грамотным сочетанием современных и традиционных знаний об отношениях человека и животного [Woodward 2016; Price 2017]. Хотя еще многое можно сказать о том, как «культурно специфичные нереалистичные элементы» оказываются в общем удивительно полезными для роли женщин и авторов с небелым цветом кожи в литературоведении³, Вудворд и Лёнгрен в своих исследованиях предполагают, что более широкий потенциал для деколониальной социальной справедливости развивается посредством интеграции таких не-

² Отвергая метронормативность, социолог Скотт Херринг «критикует любое понимание “сельского” как “пустого” пространства, очищенного от расового, этнического и социоэкономического конфликтного потенциала или неравенства» и характеризует эту идею как «фальшивую репрезентацию коренного негородского населения», низведенную до «расового примитивизма».

³ Проблема простирается далеко за пределы литературоведческих исследований о животных. Сами Шалк с горечью подчеркивает сохраняющийся дефицит данных и низкий уровень исследовательского интереса к «небелоким писателям... которые работали с магическим реализмом, водун/вуду, мистицизмом... [и другими] нереалистичными явлениями» и, кроме того, подробно объясняет, как это устроено. См. [Schalk 2018: 142].

реалистичных элементов в истории, исследующих, как именно антропозоологические отношения существуют в среде, на которую серьезно повлияло наследие колониализма поселенцев. В качестве подстраховки от минимизации различий между разными народностями, животными, историческими обстоятельствами и литературными процессами разных частей света я следую за двумя вышеупомянутыми учеными, пытаюсь сфокусироваться на онтологических, эпистемологических и духовных особенностях, воплощенных в этих отношениях. Моя цель при этом — содействовать дальнейшим, более глубоким и масштабным исследованиям политики межвидовой интерсекциональности, изучению того, как писатели, кинорежиссеры и активисты ведут диалог с собой и другими о том, что было утрачено в историях о живых существах, долгое время разделенных межвидовыми границами, и в конце концов в результате продуктивных споров о текущем состоянии социальной и экологической справедливости сделать выводы, которые помогут двигаться дальше⁴.

Одна из целей «Любви во время резни» — сделать вклад в формирование глобального восприятия антропозоологических исследований, поскольку их история включает в себя кросс-дисциплинарное возникновение и развитие во времена, отмеченные массовыми убийствами в масштабах, каких до тех пор наша планета никогда не видела. Начиная с нескольких прорывных книг, опубликованных в 1980-х, эта научная область стала сферой, предоставляющей дружелюбное пространство для обмена самыми разными точками зрения, — и отчасти именно этим объясняется ее столь стремительный рост в последние несколько десятилетий. Возникшим на старте препятствием оказалось

⁴ В контексте квир-теории Джасбир Пуар предостерегает против использования «интерсекциональности» как орудия «менеджмента различий», который, рискуя соскользнуть в «мантру либерального мультикультурализма», может лишь поддержать «дисциплинарный аппарат государства», чтобы исключить всякую вероятность возникновения радикальной политической мысли. См. [Puig 2005: 128]. Поэтому я продолжаю придерживаться осторожного подхода Харлана Уивера, который говорит о «межвидовых интерсекциональностях». См. [Weaver 2017].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru